

Ю. Н. Дроздов

**ОБ ОСНОВАНИИ КАЗАНИ И О КАЗАНСКИХ ТАТАРАХ ПО ДАННЫМ
«КАЗАНСКОГО ЛЕТОПИСЦА»**

Аннотация

Представлено исследование возможной даты основания Старой Казани по данным «Казанского летописца», которая была заложена ордынцами как перевалочная база для их сборщиков русской дани и как административный центр по сбору дани с местного населения. Рассмотрен вопрос о дате основания Новой Казани и об этногенезе казанско-татарского народа.

Ключевые слова: татары, болгары, русы, происхождение, основание, Казань, Саин, Улу-Мухамет.

Yu. N. Drozdov

**ABOUT THE FOUNDATION OF KAZAN AND ABOUT KAZAN TATARS BASED ON
«KAZAN CHRONICLER»**

Abstract

The article presents the research on a possible date of the foundation of Old Kazan based on “Kazan Chronicler” that was set up by the Horde people as a transfer base for their tribute collectors on the Russian territory and as an administrative centre for collecting tribute from local population. It also addresses the issue of the foundation date of New Kazan and of ethnogenesis of the Kazan Tatar people.

Keywords: Tatars, Bulgars, Ruses, origin, foundation, Kazan, Sain, Ulu-Muhamet.

Одним из коренных народов России являются казанские татары. Однако вопрос об их этноисторических корнях до сих пор остаётся не совсем ясным. Не находит внятного объяснения и отсутствие у этого народа исторического самоназвания. Кроме того, вызывает сомнения и предложенная казанскими историками дата основания города Казани. Всё это, в определённой степени, может объясняться тем, что современные исследователи этих вопросов имеют в своём распоряжении лишь краткие, отрывочные данные различных исторических источников, народные предания, а также данные археологических исследований, которые допускает определённую неоднозначность интерпретации их принадлежности и датировки. Правда, в русских летописях есть источник, в котором приводятся довольно подробные данные об основании Казани и кратко описана соответствующая этноисторическая ситуация применительно к этому региону. Этим источником является «История о Казанском царстве» или «Казанский летописец», который включён в состав Полного собрания русских летописей (ПСРЛ, том XIX). Но по мнению современных историков этот источник содержит ряд не очень достоверных данных и явных ошибок. И по этой причине в рамках современной исторической концепции данные этого источника не находят должного отражения. Однако здесь необходимо отметить, что не только этот, но и многие другие используемые исторические письменные источники содержат не всегда достоверные факты, прямые ошибки и опiski. И одной из задач историков является выявление и устранение таких недостатков исторических источников. При этом непонимание современными исследователями отдельных событий или обстоятельств, приводимых в том или ином источнике, не является основанием для признания его недостоверным. Всё это касается и «Казанского летописца». Тем более, что изначально это был не летописный документ, а обычное сочинение на историческую тему. Оно было растиражировано в большом количестве рукописных списков и поэтому, естественно, там могли появиться явные опiski, ошибки и даже позднейшие вставки. Тщательный критический анализ содержания этого источника позволяет выявить, объяснить и, при необходимости, обоснованно исключить из рассмотрения его сомнительные фрагменты, а также прямые опiski или ошибки. И после этого он вполне может быть использован как достоверный исторический документ.

Об этом же в своё время писал и российский историк Кунцевич Г. З.: «...я думаю, что И с т о р и я («История о Казанском царстве» - Ю. Д.) может служить историческим источником. Это впрочем ясно видно и без моих слов из факта: И с т о р и е й пользовались и пользуются, как историческим памятником. И с т о р и я единственный источник русский, который даёт цельный очерк казанской истории, от возникновения Казани до полного подчинения русским. И с т о р и я заключает в себе ряд сведений, которых нет в других источниках. Особенно ценны те, которые сообщаются на основании татарских источников. И с т о р и я пользуется часто устными источниками, передаёт слухи, толки, и при том не только русские, но и татарские. Едва ли историк пройдёт без внимания их. Правда, автор И с т о р и и о многом говорит по памяти, часто, как сказано, на основании устных источников, естественно, не всегда достаточно точных в подробностях, иногда также автор украшает свою речь, конечно, на современный ему лад, но, всё-таки, при критическом рассмотрении многие неточности И с т о р и и не введут в фактическую ошибку строгого историка, и дадут жизнь сухим известиям официальных источников». [1, с. 571-572].

По своему содержанию и форме этот источник несколько выделяется среди других русских летописей. Написан он был не профессиональным летописцем, а обычным, грамотным русским человеком, который провёл в казанском плену 20 лет, где он принял ислам. Там он был допущен во дворец верховного правителя и имел возможность общаться как с самим правителем, так и с его приближёнными. Из этого общения он узнал многое, что касалось истории Казанской земли. Кроме того он, судя по его словам, был знаком и с русскими и с казанскими летописями, а также с народными преданиями того и другого

народа. Основываясь на этой информации он и написал своё сочинение. И в этой связи есть основание полагать, что определённая часть информации, содержащаяся в этом источнике, может быть вполне эксклюзивной и не находящей отражения в других русских летописях.

В рассматриваемом источнике, в частности, кратко описывается этноисторическая ситуация в районе Среднего Поволжья и приводится история основания Казани с упоминанием ряда сопутствующих исторических событий периода средневековья. Рассказ об этом начинается с описания территории, которая по преданиям в доордынский период называлась «русской землёй». Там отмечается следующее: «Бысть убо отъ начала Руския земли, якоже поведають Русь и варвари, все то Руская земля была едина, идеже ныне стоить градъ Казань, продолжающесе въ длину съ единого Нова града Нижнево на востокъ, по обою странамъ великия реки Волги внизъ и до Болгарскихъ рубежовъ и до Камы реки, въ ширину на полунощие и до Вяцкие, речь, земли и до Пермские, на полудние до Половецкихъ предель, - все то держава и область Киевская и Владимирская, по техъ же ныне Московская. Живяху же за Камою рекою, въ части земля своя, Болгарские князи и варвари, владеющи поганымъ языкомъ Черемискимъ, незнающе Бога, никоего же закона имущи; обои же бяху служаще и дани дающе Рускому царству до Батыя царя». [2, с. 2-3].

Как видно, эта информация базировалась на народных преданиях как русов, так и казанцев («якоже поведають Русь и варвари»). Здесь к «русской земле» предания этих двух народов относили и этнотерритории, расположенные к востоку от Нижнего Новгорода вдоль бассейна Волги «до болгарских рубежов и до Камы реки». Далее, в этом же смысле указываются этнотерритории к северу от Нижней Камы до Вятского и Пермского регионов, а к югу – до половецких пределов. Из этого сообщения достаточно ясно видно, что «русской землёй» в преданиях указанных народов назывались и этнотерритории, племена которых, согласно «Повести временных лет», выплачивали дань русам, но не входили в состав их этнотерритории. Вот эти племена: «а се суть инии языци иже дань дают Руси: Чюдь, Меря, Вель, Муром, Черемись, Морьдва, Пермь, Печора». [3, с.11]. Они то как раз и обитали на территориях восточнее Нижнего Новгорода. Поэтому понятие «русская земля» здесь следует понимать не только как территорию обитания собственно русов, но и как ряд иноплемённых этнотерриторий, куда русы регулярно ходили за сбором дани. Это были территории лишь подвластные русам. А вот земли южнее нижнего течения Камы, где жили болгары и угрофинноязычные племена, к понятию «русская земля» предания уже не относили. Хотя и отмечается, что и те и другие в доордынский период и служили и выплачивали дань «русскому царству». При этом «русское царство» понятие здесь достаточно условное - в описываемый период на русской этнотерритории не было ни царей, ни царств. И ещё здесь обращает на себя внимание сообщение о том, что вместе с булгарами на этой же территории в то время обитал и угрофинноязычный народ - «варвари, владеющи поганымъ языкомъ Черемискимъ». Судя по всему, это были древние чуваша, которые потом мигрировали к западу от Средней Волги [4, с. 400-407].

Пределы Булгарии в летописце определяются так: «То бо бе преже земля Болгарецъ малыхъ за Камою, промежь великия реки Волги и Белья Волжки, до Великия Орды Нагаискія». [2, с.12] Как видно, с запада на восток Булгария простиралась от левого берега Средней Волги и до реки Белой, которая в Московии называлась Белые Воложки. С севера она ограничивалась левобережьем Нижней Камы, а её южные границы доходили до ногайских пределов. Здесь следует подчеркнуть, что земля болгар была «за Камою», то есть к югу от Нижней Камы и к территории севернее этого рубежа болгары не имели никакого отношения.

Далее в летописце сообщается: «По смерти же злочестиваго паря Батыя - убиту бо ему бывшу отъ Угорскаго царя Владислава у столного его у Бундина - и воста инъ царь на царство, Саинъ имянемъ, первыи по Батые царство его примъ. Наши же державнии оплошишася, и позакоснеша къ нему итти во орду и умирится съ нимъ; и подняся царь Саинъ Ардинский итти на Рускую землю съ темными силами своими, поиде и той, яко же

и Батыи царь, до конца попленити ю за презрение къ нему державныхъ Рускихъ. Державнии же Рустии наши идоша въ Болгоры къ царю и ту встретиша его, и утолиша его великими многими дарми. И отстави царь Саинъ пленити Руския земля, и восхоте близь ея на кочевие своемъ, где въспятися на Русь ити, поставити градъ, на славу имени своему и на приездъ и на опочевание посломъ его, по дань ходящимъ на Русь на всякое лето и на земскую управу людскую» [2, с. 10].

Здесь, прежде всего, обращает на себя внимание начальный фрагмент этого сообщения о смерти Батыя «бывшу отъ Угорскаго царя Владислава у столного его у Бундина». Информация эта недостоверна. Достаточно хорошо видно, что она заимствована из «Повести об убиении Батыя». По мнению современных историков эта «повесть» была не историческим, а сугубо политическим сочинением середины XV века и в качестве исторического источника рассматриваться не может из-за явной тенденциозности и недостоверности содержащихся в ней сведений. По данным других исторических источников обстоятельства смерти Батыя были иными, о чём будет сказано ниже.

Далее, обращает на себя внимание и имя приемника Батыя. В летописце достаточно определённо указывается, что его звали Саин – «и воста инъ царь на царство, Саинъ имянемъ, первый по Батые царство его примъ». Однако согласно другим, достаточно многочисленным источникам, приемника Батыя звали Берке. Так например, персидский юрист и историк Гаффари писал: «Третий отдел. О роде Джучи, старшего из сыновей Чингиз-хана... У Бату в 639 г. (= 12 VII 1241-30 VI 1242) появилась слабость членов и в 650 г. (= 14 III 1252—2 III 1253) он умер на берегу реки Итиль. Родился он в 602 г. (= 18 VIII 1205-7 VIII 1206). Сартак, сын Бату, находился у Менгу-каана. Тот почтил его, назначил на место отца и отправил в родной юрт, но он (Сартак) по дороге скончался. Улагчи, сын Бату, был назначен на место отца, но тоже умер тогда же. Берке-хан, сын Джучи, сел на царство, он удостоился благородства ислама». [5, с. 211]. В этой связи необходимо понять, почему в летописце приемник Бату, которым был Берке, назван Саином.

Анализ ряда соответствующих исторических источников показывает, что название «Саин» встечается по отношению не к одному, а к нескольким ордынским правителям. Так, у персидского историка Рашид-ад-Дина есть такое сообщение: «Второй сын Джучи-хана – Бату. Бату появился на свет от Уки-фудж-хатун, дочери Ильчи-нойона из рода кунгират. Его называли Саин-хан». [6, с. 71]. Здесь указывается, что Батыя называли Саин-ханом. При этом из приведенного сообщения следует, что «Бату» – это имя собственное, данное при рождении, а «Саин-хан» – это имя, данное ему позже.

Подобного рода сообщение есть и у персидского историка XVI века Ахмеда Гаффари: «Третий отдел. О роде Джучи, старшего из сыновей Чингиз-хана... Бату-хан, сын Джучи, прозвище которого было Саин-хан. По указу Угетай-каана он сел на место отца. Несмотря на то, что Орда был старшим братом и имя его писали в указах впереди, он (Орда) не оспаривал у брата ханского достоинства». [5, с. 211]. Здесь уже прямо говорится, что «Саин-хан» было не имя собственное, а прозвище Батыя. И это очень важно.

Армянский инок Магакия, описывая историю монголов, отмечал: «Только двое из предводителей, Нуха-куун и Аратамур, проведав заблаговременно об опасности, взяли с собой сокровища, золото, превосходных лошадей, сколько могли и бежали с 12 всадниками. Переправившись через великую реку Кур, они воротились в свою сторону. Не довольствуясь тем, что спаслись, они восстановили против Гулаву Берке, брата Саин-хана, и в течеше 10 лет производили страшное кровопролитие». [7, с. 32-33]. Здесь этот автор, не упоминая собственного имени Батыя, называет его Саин-ханом («брата Саин-хана»).

Но этот же инок Магакия в другом месте этого же сочинения Саин-ханом называет другого правителя: «В то время Христом венчанный и благочестивый царь армянский Гетум вместе с мудрым отцем своим и богохранимыми братьями и князьями, по-зрелом между собою обсуждении, положили подчиниться татарам и платить им дань и халан, и недопускать их в богоустроенную и христианскую страну свою. Они привели свою мысль в исполнение следующим образом. Предварительно свидевшись с предводителем татарских

войск, Бачу-нуином, которому изъявили покорность и дружбу, они отправили брата царского, армянского аспарапета, барона Смбата, к Саин-хану, который сидел в то время на престоле Чингиз-хана. Смбат вскоре прибыл к Саин-хану, который чрезвычайно любил христиан. Он был очень добр, за что народ прозвал его Саин-хан, т. е. добрый, хороший хан». [7, с. 18-19]. Здесь из контекста довольно ясно видно, что под Саин-ханом подразумевался великий хан Гуюк («который сидел в то время на престоле Чингиз-хана»). При этом «Саин-хан» - это было явно почётное или народное прозвище Гуюка, данное ему народом («народ прозвал его Саин-хан»).

В соответствии с представлениями современных историков последовательность правителей улуса Джучи выглядит так: 1) Бату. 2) Сартак. 3) Улагчи. 4) Берке. 5) Менгу-Тимур. 6) Туда-Менгу. 7) Талабуга. 8) Тохта. 9) Узбек. 10) Тинибек. 11) Джанибек. 12) Бердибек. [8, с. 22]. А вот персидский автор Шереф-ад-дин Йезди в своей «Книге побед» эту последовательность представлял так: «Всех царей из рода Чингиз-хана, правивших в Дешт-и-Кипчаке до сего времени, 32. 1) Джучи... 2) Бату, сын Джучи... 3) Берке-хан, брат его. 4) Саин-хан. 5) Йису-Мунке. 6) Токта-хан. 7) Узбек-хан. 8) Джанибек...». [5, с. 147]. В этих перечнях есть различия, но здесь важно то, что Шереф-ад-дин Йезди уже не связывает название «Саин-хан» ни с Бату, ни с Берке, а упоминает его как имя собственное отдельного хана, правившего после Берке.

Кратко суммируя представленные данные относительно названия «Саин», можно отметить следующее. Во-первых, «Саин» - это было не имя собственное, а народное прозвище, о чём прямо сообщается у Гаффарии. При этом прозвище это было уважительным, почётным. Во-вторых, это почётное прозвище официально всегда употреблялось с титулом «хан», то есть оно всегда относилось к хану. В-третьих, оно фиксировалось применительно к нескольким ханам, жившим в разное время. На основании всех этих данных можно полагать, что «Саин» - это было почётное, уважительное прозвище некоторых ханов, характеризующее какие-то их личные качества. Именно об этом говорится у инока Макакии: «Он был очень добр, за что народ прозвал его Саин-хан, т. е. добрый, хороший хан».

С учётом вышеизложенного можно попытаться выявить семантику слова 'саин'. Семантический анализ этого слова показывает, что оно, вероятно, восходит к древнетюркскому послелогу *saïin* (*сайын*), который в буквальном переводе означает 'всякий', 'каждый'. А вот в сочетании со словом «хан», точнее – «кан» (*кан сайын*), это могло означать 'хан всякого (человека)' или 'всеобщий хан'. В древнетюркском языке это могло иметь особый смысл, поскольку слово «хан» (точнее «кан») восходит к слову *qaŋ* (*каң*) 'отец'. Таким образом, словосочетанием «хан саин» (*кан сайын*) называли тех ханов, которые олицетворяли отеческое, доброе отношение ко всем без исключения своим подданным. Другими словами, такой хан был отцом для каждого человека. Возвращаясь снова к тексту летописца можно полагать, что здесь под почётным, уважительным прозвищем «Саин» подразумевался конечно же Берке - именно он «первый по Батые царство его примь». Кстати, имя «Берке», вероятно, восходит к древнетюркскому слову *berk* (*берк*), что в буквальном переводе означает 'крепкий', 'могущественный', 'власть имущий'.

Далее в рассматриваемом фрагменте сообщается, что после того, как хан Саин (Берке) стал правителем Джучиева улуса, властители русов не торопились с визитом к нему для выражения своей покорности. Расценивая это как неповиновение «властителей русских», Берке или ордынский хан («царь Саинъ Ардинский») решил идти на них в поход, как это сделал в своё время его предшественник Батый. И он, вероятно, выслал карательный отряд, который дошёл до левобережья Волги. Но правители русов поспешили его опередить - пошли к нему навстречу. Там многими дарами они укротили его гнев. И после этого ордынский хан решил вблизи «русской земли», «на кочевии своём» поставить крепость. Эта крепость должна была, с одной стороны, служить перевалочной базой и местом отдыха для возвращающихся ордынских сборщиков дани, которые с этой целью ежегодно ходили в пределы Руси, а с другой стороны, там же должна была располагаться некая администрация

(«земская управа людская»), которая, вероятно, должна была собирать дань с местного населения этого региона.

По поводу территории, на которой была заложена эта крепость, превратившаяся потом в город, сообщается следующее: «Бысть же на Оке реке старьи градъ, имянемъ Бряховъ, отгуду же прииде царь, имянемъ Саинъ, Болгарский, и поискавъ по местомъ проходя, въ лета 6680 го, и обрете место на Волге на самой украине Руской, на сеи стране Камы реки, концомъ прилежа къ Болгарской земле, другимъ же концомъ къ Вятке и къ Перми». [2, с. 10].

Прежде всего следует отметить, что определение «Болгарский» при имени Саина было связано с названием города, где находилась в то время одна из резиденций этого хана - такова была летописная традиция. Далее, здесь указывается довольно обширная территория, которая первоначально в летописце названа «кочевием своим». Западная граница этой территории находилась «на самой русской окраине». Здесь, конечно же, подразумевалось левобережье Волги. Южные пределы этой «земли» проходили по правому берегу реки Камы («на сеи стране Камы реки, концомъ прилежа къ Болгарской земле»). А восточная граница прилегала «другимъ же концомъ къ Вятке и къ Перми». По современным представлениям это была, в основном, вся северная половина территории нынешнего Татарстана, а также часть вятских и пермских земель. О племенах, обитавших на этой территории в древности и в период раннего средневековья, сообщается в арабо-персидских средневековых источниках. [4, с.331-386]. В районе нижнекамского правобережья обитали тюркскоязычные (в то время) русы. Так, например, ибн-Хаукаль писал: «Булгар Великий граничит с русами на севере». [9, с.193]. Аль-Истахри по этому поводу писал так: «Рус есть народ в соседстве с Булгаром, между сим последним и Славонией». [9, с.130]. Севернее располагались магары и баджнаки (тюркские печенеги), а также, возможно, и ещё какие-то другие племена. Ещё севернее обитали верхнекамские русы.

Кроме этого в приведенном выше фрагменте содержится информация, которая никак не корреспондируется с данными других исторических источников. Прежде всего, это местоположение города Бряхова. В летописце сначала указывается, что старый город Бряхов, откуда пришёл «царь, имянемъ Саинъ, Болгарский», стоял на Оке: «Бысть же на Оке реке старьи градъ, имянемъ Бряховъ». С другой стороны, несколько ниже сообщается, что старый город с таким же названием стоял на Каме: «Туть же былъ на Каме стары градъ, именемъ Бряховъ, Болгарский». Здесь явно видно, что в первом случае допущена ошибка - все имеющиеся исторические данные свидетельствуют о том, что болгарский город Бряхов находился на Каме, в районе слияния её с Волгой, но никак не на Оке. И в этой связи в порядке предположения можно высказать такое соображение. Бряхов, вероятно, был расположен в месте непосредственного слияния русел Волги и Камы. Такое место в народе называется 'стрелкой'. Не исключено, что это место так могло называться и в древнетюркском языке. А по-древнетюркски 'стрела' или 'стрелка' будет *ок* (*ок*). Автор «Истории о Казанском царстве», пробывший в плену у тюркскоязычных татар много лет, мог использовать в своём повествовании не русскоязычный вариант этого специфического слова 'стрелка', а тюркскоязычный – *ок*. Поэтому в русскоязычном тексте при последующем его переписывании могло появиться вместо выражения «на стрелке реки», словосочетание «на Оке реке», то есть здесь вместо русского слова 'стрелка' был записан тюркскоязычный эквивалент – *ок*. Вот таким образом город Бряхов по ошибке переписчиков мог «оказаться» на реке Оке.

Второй факт этого фрагмента, вызывающий серьёзные сомнения в его безошибочности - это дата основания города Казани – 6680 год или 1172 по современному летоисчислению. В других списках летописца фигурирует дата – 6685 год или 1177 год по современному летоисчислению. Исторические обстоятельства указывают, что и та и другая даты явно ошибочны – в указанное время в районе Средней Волги ордынцев, которые основали город Казань, ещё не было. Это довольно надёжно фиксируется историческими источниками. Далее, в разделе «Казанского летописца», где повествуется о первых годах царствования

Ивана Грозного, говорится: «И много лет преидоша, до 300 лет, от перваго начала Казани отъ Саин царя, отнетеле бяху обладающа царствующа князи и цари страны тоя, частью многою Рускою землёю завладеша». [2. с. 45]. Первые годы царствования этого правителя приходится на середину XVI столетия. Если отсюда отнять 300 лет, то получится середина XIII столетия. Значит в этот период времени и была основана Казань, но никак не в XII столетии. При этом автор здесь третий раз повторяет, что изначальная Казань была основана ордынским ханом Саином, то есть Берке.

Ошибки в написании дат были достаточно распространённым явлением в дошедших до нас древнерусских письменных источниках и документах. Дело в том, что в древнерусском письме цифры обозначались буквами. Искажение некоторых букв в слове позволяло, всё-таки, правильно прочесть это слово. Но вот искажение одной буквы (цифры) в написании даты уже приводило к фатальной ошибке. В своё время на это обращал внимание академик Л. В. Черепнин: «Задача перевода дат с византийского летосчисления на современное сильно осложняется тем, что в древне-русских документах мы часто находим неверные цифровые обозначения годов... Цифры пропускались, заменялись одна другой, принимались одна за другую и т. д. От времени документы портились, поэтому в некоторых датах стирались отдельные цифры. Позднейшие копиисты не обращали на это внимания и воспроизводили цифровое указание источника в неполном виде, искажая тем самым его смысл... Учитывая возможность ошибок в хронологических данных исторических источников, историк обязан произвести проверку тех дат, которые он встречает в документах. Установить неточность в датировке и найти ключ к исправлению последней часто помогают, как мы уже видели, некоторые дополнительные признаки, сопровождающие в источнике дату...». [10, с. 69]. Вполне очевидно, что в данном случае необходимо использовать эти самые «дополнительные признаки, сопровождающие в источнике дату» и опираться именно на них. В тексте летописца имеются достаточно чёткие «признаки» подобного рода.

Судя по данным летописца, Казань была заложена ордынским ханом, принявшим власть в улусе Джучи непосредственно после Батыя. Этим ханом был Берке, который в летописце назван почётным прозвищем «Саин». Он правил с 1256 по 1266 год. [8, с. 22]. Согласно летописцу, властители русов направились к нему на поклон хотя и с запозданием, но, конечно же, не позднее 1257 года, ибо дань они должны были выплачивать ежегодно. И эта дата чётко подтверждается данными русских летописей. Из анализа других летописных текстов следует, что единственный коллективный визит русский князей в Орду в первые годы правления хана Берке имел место только в 1257 году. В Суздальской летописи по Академическому списку по этому поводу сообщается следующее: «В лето 6765 (1257) поидоша вси князи в Орду и чтив Оулавчия и вся воеводы его и возвратишася во своя си; того же лета Глеб приде от Кановичь, оженився в Татарех» [3, с. 524]. В Лаврентьевской летописи приводятся и имена этих князей: «Поехаша князи в Татары: Александр, Андреи, Борис, чтившие Оулавчя приехаша в свою отчину; тое зимы приеха Глеб Василкович ис Кану земли от царя и оженися в Ворде». [3, с. 474]. Отсюда видно, что нападения ордынцев опасались не все, а только три князя русов – Александр Невский, Андрей Ярославич Суздальский и Борис Василькович Ростовский. А вот Глеб Василькович Ростовский этого не опасался – в это время он был в гостях у хана Берке и даже женился там, явно на татарке. Из этого же сообщения следует, что «все князья» встречались не с ханом Берке, а с его каким-то высокопоставленным представителем Улавчием, который командовал воеводами. Возможно этот Улавчий возглавлял карательный отряд, который Берке направил против русов. И встреча с Улавчием произошла там, «где въспятися на Русь ити». На этом месте потом была заложена Казань. А вот с Берке в этот год встречался, согласно летописям, только князь Глеб Василькович. Из текста летописца следует, что именно после встречи русских князей с Улавчием, хан Берке (Саин) решил возвести крепость вблизи «русской земли». Практически это могло быть произойти не ранее 1257 (6765) года. Есть ещё один письменный источник, в котором подтверждается приведенная выше дата основания Казани – 1257 год. Этим источником является «Скифийская история» А. И. Лызлова. В одной из глав своего

сочинения он пересказывает близко к тексту фрагмент «Казанского летописца», касающийся основания Казани. В частности он пишет: «О начале же царства Казанскаго сице. Егда минуша двадесять лет по батыеве пленении, еже имать быти 6765, яко о том выше пространно изъясися, быша вси князи российстии под властию царей Золотыя Орды. По Батые же бысть царь во Орде имянем Саин - тот имать быти Сартак сын Батыев - иже хотяше паки воевати страны Российския, и поиде с воинством тамо. Князи же российстии убоявшеся, поидоша молити его, дабы не пленил земли Российския, и встретивше его, давши многи дары злочестивому, и утолиша его. Царь же на том месте, идеже воздержаша шествие свое, восхоте поставити град во славу свою, и дабы был пристанищем послом его, ходящим в страны Российския дани ради». [11, с. 48]. Отсюда видно, что Андрей Лызлов, писавший в середине XVII века, пользовался экземпляром «Казанского летописца» в котором дата основания Казани не была ещё искажена – там значился 6765 год или по современному летоисчислению 1257 год. Это подтверждается и такими словами: «Егда минуша двадесять лет по батыеве пленении еже...». «Батыево пленение», то есть массированное нашествие Батыя на русскую этнотерриторию, закончилось, в основном, к 1237 году. Если сюда прибавить 20 лет, то опять получается 1257 год. Таким образом, дата основания Казани - 1257 год, подтверждается косвенными данными анализа сопутствующих исторических событий, приведенных в «Казанском летописце», данными других русских летописей и прямыми данными А. И. Лызлова, приведенными в его «Скифийской истории». Отсюда видно, что в дошедших до настоящего времени списках летописца в написании даты основания Казани были искажены две средние цифры – ‘700’ и ‘60’ (в подлиннике это достаточно сложные в написании буквы ψ и ζ, которыми обозначались указанные цифры). При этом, в списках летописца, дошедших до настоящего времени, дата основания города Казани искажалась, как минимум, дважды.

Местность, в пределах которой была заложена Казань, автор летописца описывает так: «Место пренарочито, и красно велми, и скотопажно, и пчелисто, и всяцами семяны родимо, и овощми преизобилно, и зверисто, и рыбно, и всякого много угодыя, яко не обрести можно другаго такова места по всеи Руской земле нигдеже, подобно такову месту красотою и крепостию и угодыемъ человеческимъ, и не вемъ же, аще есть въ чужихъ земляхъ. И велми царь за то возлюбил Саинъ Болгарский». [2, с. 10-11].

Из представленного описания видно, что это было очень благодатное место для обитания оседлого, земледельческого народа. Оно было пригодно и для разведения скота, и для пчеловодства, и для полеводства, и для выращивания разнообразных овощных культур, и для добычи зверя, и для рыболовства, а также обладало другими различными угодыями. Но Берке (Саин) был ханом кочевого народа. И с точки зрения расселения здесь кочевого народа эта территория совершенно не представляла никакого интереса – кочевые народы не сеяли, не пахали, пчеловодством, овощеводством и рыбной ловлей не занимались. У Берке, вероятно, был другой интерес. Судя по всему, это была довольно редко заселённая территория. И на ней можно было расселить оседлый, земледельческий народ, а потом собирать с него очень богатую и разнообразную дань. Вот это, вероятно, и была причина того, что «велми царь за то возлюбил» эту землю. Дальнейшее развитие исторических событий на этой территории подтверждает высказанное предположение. После того, как здесь сложилось государственное образование, управляемое ордынцами во главе с ханом, историки отмечали: «Государственная власть преследовала исключительно фискальные интересы, направленные к пополнению ханской казны и вся страна была покрыта сетью податных учреждений или отдельных чиновников... Всюду были поставлены должностные лица, ведавшие определёнными сборами в данном пункте или районе...». [12, с. 206].

Далее автор летописца рассказывает о подготовке Саином места для закладки нового города. При этом он включает в свой рассказ явно народное предание («и глаголють мнози нецы») с мифологическим подтекстом о наличии на месте будущей Казани «гнезда змиева», которое Саин уничтожил: «И, глаголють мнози нецы, преже место быти издавна гнездо змиево; во всемъ жителе земля тоя знаемы живяше ту вгнездехся змии великъ, страшень, о

двою главу, едину имея змиеву, а другую главу волову; единою пожираше человеки и скоты и звери, а другою главою траву ядыше; а инья змия около его лежаша, живяху съ нимъ, всяцами образы. Темъ же не можаху человецы близъ места того миновати, свистания ради змиина и точения ихъ, но далече инемъ путемъ опъхожаху. Царь же, по многие дни зря места того, обходя и любя его, и не домышляшася, како извести змия того отъ гнезда своего, яко того ради будетъ градъ крепокъ и славенъ везде. Изыскався въ воехъ его сице въ волхвъ хитрь и рече царю: "азъ змия уморю и место очищу". Царь же радъ бысть, и обещася ему царь нечто дати велико, аще тако сотвориши. И собра обоянникъ волшебиемъ своимъ вся живущая змия те отъ века въ месте томъ къ великому змию во едину велику громаду, и всехъ чертою очерти, да не излезе изъ нея ни едина змия, и бесовскимъ деиствомъ всехъ умертви; и обволоче кругомъ сеномъ и тростиемъ и дровемъ и лозиемъ сухимъ многимъ, и полиавъ серою и смолою, и заже огнемъ. и попали, и пожже вся змия, великого и малыя, яко быти отъ того велику смраду змиину по всей земли той, проливающи впредь хотяще быти ото окояньного царя зло содеяние проклятые его веры Срацынския. Мноземъ же отъ вои его умрети отъ лютаго смрада змиина, близъ того места стояще, кони и верблюды мнози падоша И симъ образомъ очисти место». [2, с. 11-12].

Судя по всему, у ордынцев это был какой-то обязательный, возможно даже религиозный, ритуал «очищения» места («изыскався въ воехъ его сице въ волхвъ хитрь»), на котором возводилось новое поселение. И это, в принципе, могло иметь сугубо практический смысл. Ведь кочевые народы во время кочёвок обустраивали свои стойбища в открытой степи. А в таком месте могли водиться и ядовитые змеи и ядовитые насекомые и мелкие грызуны. Так вот, прежде чем устанавливать стойбище, кочевники проводили «санитарную» обработку огнём соответствующего места. Со временем это могло стать у них обязательным ритуалом. Поэтому и хан Саин «очистив таким образом место это». При этом автор подчёркивает, что «державные» русы не посмели ничего сказать против того, что хан возвёл в этом месте свою крепость: «Царь же возгради на месте томъ Казань градъ, никому же отъ державныхъ Руси смеюще супротивъ что рещи. И есть градъ Казань, стоять донине, всеми Рускими людьми видимъ и знаемъ есть, а не знающимъ слышимъ есть». [2, с. 12]. В принципе это могло свидетельствовать о том, что земля, где закладывалась Казань, русским князьям подвластной уже не была.

Далее в летописце сообщается следующее: «Яко преже сего, на томъ месте вогнездися змии лють и токовище ихъ, и воцарися во граде скверны царь, нечестия своего великимъ гневомъ наполнився, и распалашеся, яко огонь, въ ярости на христьяны, и разгарашеся яко огонь, пламенными усты устрашая, и похищая, и поглащая, яко овца, смиренныя люди Руския въ прилежащихъ всехъ (весехъ – Ю.Д.), близъ живущая около Казани, изгна отъ нея Русь тоземца, и три лета землю ту пусту положи». [2, с. 12].

В первой части этого фрагмента автор сообщает о негативном отношении к христианам воцарившегося в новом городе правителя. Этим, возможно, автор хотел подчёркнуть, что Берке был мусульманином (по Гаффари - «он удостоился благородства ислама»). А далее он указывает, что этот правитель «похищал» и «поглощая яко овца, смиренныя люди Руския», обитавших в «прилежащих» деревнях (весах). А тех, которые жили в непосредственной близости от Казани, он вообще оттуда изгнал. И в течение трёх лет после основания Казани её окрестности пустовали.

Что касается «похищения» и «поглощения», то здесь речь, конечно же, идёт о захвате местных русов («смиренныя люди Руския»), в плен для последующей продажи их в рабство. В то время это была обычная практика не только ордынцев, но и русских князей. При этом автор совершенно недвусмысленно утверждает, что местным населением территории, где возводилась Казань, были русы («изгна отъ нея Русь тоземца»). Как видно, местных жителей он называет «туземной русью». Этим названием он, вероятно, отличал местных нижекамских русов от тех, которые обитали в Волго-Окском междуречьи и которые в рассматриваемый период были уже славяноязычными. Сообщение автора о проживании

русов в этом регионе, как уже отмечалось выше, достаточно надёжно подтверждается различными данными средневековых арабо-персидских историков и географов.

Затем ордынский хан стал заселять вновь обретенную территорию (или «кочевие свое») оседлым, земледельческим населением - «и наведе ись Камы языкъ лють, погань, Болгарскую чернь, со князи ихъ и со стареишинами ихъ, и много ему сущу убо подобну суровствомъ, обычаемъ злымъ, песьимъ главамъ - Самоедомъ. Наполни такими людьми землю ту, еже Черимиса, зовемая Отяки, - тое жъ глаголють Ростовскую чернь, забежавши тамо отъ крещения Русково въ Болгарскихъ жилищахъ, и приложися хъ Казани. И Болгарския грады обладаютя царемъ Казанскимъ» [2, с. 12].

Как видно на эту, значительную по размерам территорию, ордынцы переселяли только соседние народы из Прикамско-Поволжского региона. «И наведе ись Камы языкъ лють, погань» – здесь автор не указывает название этого народа. Вероятнее всего, это имелись в виду воинственные («лют») унгары и верхнекамские русы-язычники с баджнаками. (Примерно в этот период времени в письменных источниках навсегда прекращается упоминание о верхнекамских русах и об унгарах, обитавших в Камско – Вятском междуречьи). Переселившееся сюда из Прикамья большое количество народа своей суровостью и злыми обычаями было подобно «пёсым головам» - самоедам, обитавшим в Прикамье. Судя по всему, под «пёсыми головами» – самоедами, здесь понимались баджнаки (тюркские печенеги). Английский посланник Дж. Флетчер указывал, что самоеды произошли от 'татар', т.е. были тюркскоязычным народом: «Пермяки и самоеды, обитающие на севере и северо-востоке от России, происходят так же, как полагают, от татар». [13, с. 113]. Далее, из Булгарии на новую территорию была переселена какая-то часть знати и простого народа. Кроме того, сюда же переселилась какая-то часть черемисов, называемых отяками и прозванных «ростовской чернью». Изначально они обитали в Ростовской земле, но, спасаясь от насильственной христианизации, мигрировали сначала в болгарские поселения, а затем «приложися хъ Казани». Возможно этот угрофинноязычный народ как раз и был тем самым летописным племенем меря, о котором говорится в русских летописях: «а на Ростовском озере меря, а на Клещине озере меря же». [2, с. 10-11]. И «прибежали» сначала они в болгарские поселения вероятно потому, что на этой же территории в то время ещё жили родственные им древние чуваша. Именно к ним они и «прибежали». Значит в этногенезе казанских татар принимал участие и этот угрофинноязычный народ. Следует заметить, что и болгарские города были также подвластны казанскому правителю. Но при этом сама Булгария оставалась автономной – к Казанскому региону её территория не присоединялась.

Итак, спустя три года после основания Казани, то есть в 1260 году, ордынцы начали заселение территории нижнекамских русов новым населением из соседних регионов («Таковыми людьми наполнил землю ту»). Вот с указанного времени на этой территории на основе местных и расселившихся здесь народов и стала складываться новая народность, которая ныне называется казанскими татарами (*казанлы*). Следовательно, можно считать, что 1260 год является годом зарождения современного казанско-татарского народа, но этноисторические корни которого уходят на глубину тысячелетий и связаны они с древнейшим прикамско-поволжским населением. Наличие среди предков казанских татар какого-то пришлого, азиатского (алтайского) населения письменными источниками не фиксируется и имеющимися данными современной антропологии не подтверждаются: «Антропологические материалы показывают, что физический тип татарского народа сформировался в сложных условиях метизации в основном европеоидного населения с монголоидными компонентами древней поры». [14, с. 36]. Разноэтничность предков казанско-татарского народа, в определённой степени, подтверждается и наличием среди современных казанских татар различных антропологических типов. Специальными исследованиями на территории нынешнего Татарстана были выявлены, в основном, четыре антропологических типа: светлый европеоидный (19,4% от общей численности казанских татар), понтийский (тёмный европеоидный – 38,2%), сублапоноидный (характерный, в основном, для угрофинноязычных народов – 22,9%) и монголоидный – 19,4%. [15, с. 30-34].

Как видно, основная численная составляющая в этногенезе казанско-татарского народа является европеоидной. В языке казанских татар (средний диалект) имеется большое количество различных говоров. Это также, в определённой степени, может свидетельствовать о разноплеменности их предков. Правда, археологи фиксируют в культуре казанских татар древние элементы алтайской культуры. Однако эти элементы древней алтайской культуры в культуру камско-поволжских народов могли быть превнесены их далёкими предками. Такими предками могли быть сейминско-турбинские племена, мигрировавшие сюда из пределов Алтая.

Следует заметить, что сама болгарская территория и основная часть её населения в состав нового региона в то время не входила. Это явно следует из контекста летописца. Об этом же может свидетельствовать, например, и такое сообщение Гаффари: «Первый параграф о царях Кок-орды; им принадлежали области правого крыла, как то: улусы Ли́ка, Укек, Маджар, Булгар и Казань». [5, с. 212]. Здесь «Булгар» и «Казань» названы разными улусами, то есть разными административными территориями Кок-орды. И ещё. В 1487 году московский князь Иван III вторгся с войском в пределы Казанской орды и посадил на казанский престол «московского татарина» - Мухаммед-Эмина. После этого «Иван III принял титул князя Булгарского (позднее в титуле русских царей – Государя Булгарии), имея в виду ту древнюю территорию Волжско-Камской Булгарии, которую позднее заняло Казанское ханство». [8, с. 92]. Оставляя пока без комментариев сам факт и время принятия такого странного титула русским князем, следует отметить, что конце XV века в этом титуле понятие «булгарский» существовало отдельно от понятия «казанский». И в этой связи следует заострить внимание на том, что при сложении казанско-татарского народа болгарский компонент не был здесь определяющим в его этногенезе ни с этноязыковой, ни с культурно-материальной стороны. Ведь в это время основная часть болгарского народа продолжала оставаться на своей исторической этнотерритории. И ассимиляция болгар казанско-татарским народом происходила, вероятно, в «русский» период их исторического развития (после 1552 года). Ведь именно в этот период наблюдалась заметная миграция населения бывшего Казанского улуса в соседние регионы. Поэтому древняя история болгар не имеет никакого отношения к историей собственно казанско-татарского народа. Это история соседнего народа, представители которого в последующем стали частью предков казанских татар.

По поводу собственно Казани в летописце сообщается: «И бысть Казань столныи градъ, вместо Бряхова, и вскоре нова орда, и земля благоплодна, и семенита, именита, и медомъ кипяща и млекомя, и дашася по одержание и власть и въ наследие поганымъ. И отъ сего царя Саина преже сего зачася Казань, и словяще юрть Саиновъ. И любяше царь, и часто самъ отъ стольного своего града Сарая приходяше, и живяше въ немъ, и остави по себе на новомъ юрте своемъ царя отъ колена своего и князя своя съ нимъ. По томъ же царе Саине мнози цари, кровопивцы, Руския люди погубили, и пременяещея царствоваху же въ Казани лета многа» [2, с. 13].

Здесь сообщается, что Казань стала «стольным градом» вместо Бряхова. Но одновременно и Сарай упоминается как «стольный град» тоже. Получается, что у ордынцев было два «стольных града». Дело, вероятно, здесь в следующем. В древности и в раннем средневековье «стольными градами» в Восточной Европе назывались города, в которых находилась резиденция или «стол» регионального или верховного правителя. У многих кочевых народов и племён таких резиденций было, как минимум, две. Одна находилась в районе зимнего кочевья (*кышлау*), которое располагалось в относительно южных районах, а вторая – в районе летнего кочевья (*жэйлэу*), находившегося значительно севернее. Часто оба эти кочевья располагались в бассейне какой-то крупной реки. Зимняя резиденция ханов Джучиева улуса находилась в районе левобережья Нижней Волги и называлась *Сарай*. А вот летняя резиденция была, вероятно, сначала в болгарском городе Бряхове, который ещё назывался «Внешним Булгаром». [14, с. 95]. (Отсюда в имени некоторых правителей Джучиева улуса и появилось определение «Болгарский»). Но после возведения Казани туда

из Бряхова была перенесена летняя резиденция хана и город получил статус «стольного», который ещё называли «Саинов юрт», где многозначное древнетюркское слово *jurt* (*юрт*) означает 'дом, владение, место жительства, земля, страна'. В данном случае слово «юрт» могло иметь значение «дом» или, в современной лексике, «резиденция». Поэтому-то в летописце и упоминаются два «стольных града» - Казань и Сарай. Территория, подчинённая Саинову юрту, стала называться «Новая орда» («нова орда»).

Следует обратить внимание ещё на два обстоятельства в рассматриваемом фрагменте. Первое – автор летописца повторно и твёрдо подтверждает, что Казань основал именно царь Саин («И отъ сего царя Саина преже сего зачаса Казань»). Местное население к основанию города не имело никакого отношения, поскольку в то время около Казани его просто не было. Да и по замыслу основателей города к местному населению он должен был иметь весьма опосредованное отношение. Второе – с момента основания города и до его присоединения к Московии, по словам летописца, правителями, за редким исключением, там всегда были только чингизиды, а их ближайшим окружением – ордынцы («и остави по себе на новомъ юрте своемъ царя отъ колена своего и князя своя съ нимъ»). Другими словами практически, на протяжении всего периода существования Новой или Казанской орды, верховный правитель и вся правящая верхушка всегда там были иноэтничными по отношению к местному, многонациональному населению этого региона: «Многочисленные казанские ханы были очень слабо связаны с местным краем как по происхождению, так и по воспитанию». [12, с. 173]. Правителей из среды местного населения в Казани никогда не было. Вся титулатура высшей казанской знати была азиатской – эмиры, бики, мурзы, огланы. У древнеевропейских тюркскоязычных народов такие титулы письменными источниками не фиксировались. Да и народное собрание здесь называлось по-азиатски – курултай. У древнеевропейских тюркскоязычных народов это собрание называлось иначе. По поводу государственного устройства этого образования М. Г. Худяков замечал: «Государственный строй Казанского ханства страдал огромными недостатками и отличался большим архаизмом. Он представлял собою окаменевшие пережитки каких-то давних установлений, сложившихся вне Казанского государства». [12, с.194]. Вполне понятно, что всё это было превнесено сюда ордынцами. И в этой связи отмечалось: «Эмиры, бики и мурзы составляли главный контингент крупных землевладельцев в стране, земельную аристократию и в качестве таковой являлись одним из важных составных элементов государственного, общественного и экономического строя Казанского ханства». [12, с. 199]. Это означало, что и крупными землевладельцами в Казанской орде были ордынцы, а не представители местных народов. Следует отметить, что и главным мусульманским духовным лицом в Казани мог быть только сеид: «На должность главы духовенства всегда избиралось лицо, принадлежавшее к числу сеидов, т.е. потомков пророка Мухаммеда (от дочери его Фатимы и халифа Али)...Глава духовенства считался после хана первым лицом в государстве, и в моменты междоусобицы он, в силу своего высокого положения, становился во главе временного правительства». [12, с. 197-198]. Естественно, среди местного населения Казанского региона прямых потомков пророка Мухаммеда быть не могло. Это значит, что и высшее духовное лицо здесь всегда было иноэтничным по отношению к местному населению.

Итак, из представленных данных следует, что изначальная Казань была основана ордынским ханом Берке, имевшим почётное прозвище «хан Саин», на территории нижекамских тюркскоязычных русов в 1257 году как перевалочная база для ордынских сборщиков русской дани и как административный центр вновь образованной и достаточно обширной полиэтничной территории под названием «Новая орда» (впоследствии – «Казанская орда»). Следует заметить, что, судя по всему, эта изначальная Казань была основана в среднем течении реки Казанки в 40 километрах от современного города. В дальнейшем её стали называть Старой Казанью (*Иске Казан*).

Теперь о возможном происхождении названия города. Первоначально, по данным летописца, это поселение называлось «Саинов юрт» («словаще юрть Саиновъ»). И уже после

хана Берке оно превратилось в город и стало известно под названием «Казань». В татарском языке это название имеет форму *Казан*. На составные части это слово можно разделить так: *Каз-ан*. Первая составляющая, похоже, восходит к слову *qazı* (*казы*) ‘судья’, а вторая *ан* – это слегка искажённое *эн* ‘род, порода’. Весьма возможно, что местное население своих правителей здесь называло уважительно *казы*. По крайней мере, так назывались верховные правители соседнего Булгарского улуса, о чём можно судить по такому сообщению «Джагфар Тарихы»: «В Болгаре были построены из камня дворец эмиров “Казый Йорты”, мечеть “Исмаилдан” в честь Исмаила...». [16, с. 205]. Здесь “Казый Йорты” - это “Дом Казы”. Поэтому исходная форма названия рассматриваемого города, вероятно, была *Казэн* с семантикой ‘(город) рода казы’ или ‘(город) судейского рода’.

Теперь по поводу этнонима казанско-татарского народа. Анализ античных и раннесредневековых источников свидетельствует, что вплоть до ордынского периода этноним ‘татар’ применительно к европейскому населению не встречается на страницах этих источников. Впервые слово ‘татары’ появилось на страницах русской летописи под 1223 год: «Того же лета явишась языци ихже никтоже добре ясно не весть кто суть и отколе изидоша и что язык их и которого племени суть и что вера их; и зовуть я татары, а инии глаголють таумены, а друзии печенези...». [3, с. 445]. В этом фрагменте название ‘татары’ употребляется по отношению к воинам военно-разведывательного корпуса Джучиева улуса или Орды, который, пройдя через Кавказ, вышел на степные просторы в районе верховий Кубани. Здесь эти чужеземные воины столкнулись с половцами, которые, вероятнее всего, и назвали их татарами. (Хотя само по себе это слово явно существовало в тюркском языке всегда как обычная лексическая единица). А уже от них это тюркскоязычное название узнали и приднепровские русы. Таким образом, название ‘татары’ в Европе, и это следует особо подчеркнуть, впервые появилось в русскоязычных письменных источниках применительно к чужеземцам, не имеющим никакого отношения ни к народам Поволжья, ни к народам Восточной Европы вообще. Поэтому попытки найти какую-то этническую связь между европейскими и азиатскими народами через превнесенное в XIII веке в Европу название ‘татары’ являются несостоятельными по определению.

По поводу семантики слова ‘татар’ можно отметить следующее. Это слово на составные части делится так: *тат-ар*. Первая составляющая *тат* – это древнетюркское слово *tat*, которое переводится как ‘чужеземец’. Вторая составляющая *ар* – это распространённый у древнеевропейских тюркскоязычных народов фонетический вариант слова ‘муж, мужчина’. Исходное название *татар* в буквальном переводе с древнетюркского означает ‘чужеземные мужи’ или ‘люди другой страны’. Вполне понятно, что такое название изначально могло иметь обобщающий смысл и распространяться на ряд народов. И не случайно Сигизмунд Герберштейн отмечал: «Если кто пожелает описать татар, тому придется описать множество племен - обычаи, образ жизни и устройство земли многих народов, ибо это общее имя они носят только по их вере, сами же суть различные племена, далеко отстоящие друг от друга, принявшие все одно имя татар, так же как и имя “Россия” объединило множество земель». [17, с. 165]. Здесь следует в одном поправить этого автора – не все народы, которых в его время называли татарами, были мусульманами.

После того, как ордынцы покорили и подчинили себе Прикамье, Среднее и Нижнее Поволжье, Прикаспийский и Причерноморский регионы, а также Северный Кавказ, население всех этих территорий вместе с ордынцами для обитателей русской этнотерритории стало единым чужеземным тюркскоязычным этномассивом – людьми другой страны или по-тюркски – *татар*. Ведь ни одна часть русской этнотерритории (ни одно «княжество») в состав Джучиева улуса никогда не входила. Как следует из фактических данных письменных источников, ордынцы, в основном, присоединяли к себе только те территории, на которых обитали тюркскоязычные народы. А основная масса населения

русской этнотерритории к этому времени была уже явно нетюркскоязычной. И это, видимо, было основной причиной того, что эти территории не были включены в состав Джучиева улуса. Каких-либо иных объективных причин усмотреть пока не удаётся. Судя по данным письменных источников, племена и народы, находясь в составе Джучиева улуса, сохраняли свои этнонимы – ордынцы не подавляли этническое самосознание подвластных им народов. И только у населения, проживавшего на этнотерритории нынешних казанских татар, письменными источниками не фиксируется их общее самоназвание. И это достоверный исторический факт. Более того, такое общее самоназвание не фиксируется и в исторической памяти современного казанско-татарского народа. Попытки некоторых современных историков представить в этом качестве этноним соседних болгар не имеют под собой абсолютно никакой исторической основы. И всё это, в данной ситуации, вполне объяснимо.

По традиции древнеевропейских народов этноним всего населения той или иной этнотерритории обозначался этнонимом доминирующего племени или народа на этой территории. Но территория Новой орды, в основном, была заселена пришлым, разноэтничным населением. Поэтому доминирующего положения здесь не мог занять и никогда не занимал ни один из этих народов, включая и местных русов, поскольку эта территория была завоёвана ордынцами и ими же управлялась. В общении между собой местное население, вероятно, использовало сначала родо-племенные названия. А после принятия ислама все народы Новой или Казанской орды во внешнем мире стали называть себя обобщённо мусульманами. Естественно, соседние народы казанских татар называли каждый по-своему: «Так соседи волжских татар – марийцы, называли их этнонимом суас (суяс, иногда сюас), удмурты – бигер, казахи – нугай, калмыки – этнонимом мангот». [18. с. 283]. Отсутствие доминирующего народа и, соответственно, отсутствие доминирующего этнонима в этом регионе так и не привело к сложению здесь общенационального исторического самоназвания. Во внешнем мире это население продолжали называть обобщённо татарами, хотя само это население такое название в качестве этнонима никогда не принимало. К концу XIX века народы этой территории плотно консолидировались в единую нацию на основе общности территории, близости древних культур, сложившегося общего языка и общей исламской культуры. В начале XX века за этой нацией, уже сложившейся в единый народ, как историческая данность в качестве этнонима было официально закреплено обобщающее название ‘татары’. Неофициально к этому этнониму иногда добавляется определение – ‘казанские’.

Итак, казанско-татарский этнос (*казанлы*), стал складываться с 1260 года на территории его нынешнего проживания на основе местных и соседних Прикамско-Поволжских народов. Предками этого народа были, вероятно, унгары и баджнаки, а также прикамские тюркскоязычные русы, угрофинноязычные племена (‘черемиса’) и какая-то часть болгар.

Теперь об основании современной Казани. Основанию этого города предшествовали определённые исторические события. К концу XIV века Золотая Орда стала слабеть и её владения стали подвергаться нападкам со стороны её бывших вассалов. Так, согласно данным «Казанского летописца», в 1392 (или в 1395) году князь Юрий Дмитриевич, брат великого московского князя Василия Дмитриевича, совершил грабительский поход по Средневожским владениям Золотой Орды: «На ню же первое ходи князь Юрьи Дмитреевичъ в лето 6900 (в других списках 6903 – Ю. Д.) послан братомъ своимъ, великимъ княземъ Василеиъ Дмитреевичемъ. Тои шедъ взя грады Болгарскія, по Волзе стояща, Казань, и Болгары, Жюкотинь, Керемечюкъ и Златую Орду повоева по совету Крымскаго

царя Азигерея, и вся те грады до основанія раскопа, а царя Казанскаго и со царицеми его въ ярости своеи мечемъ уби, всех Срацынъ, з женами и з детми ихъ, и живущихъ во граде посече, и землю варварскую поплени, здрав съ победою восвояси возвратися. И на мало время смирися Казань и укротися, и охуде, и стояше пуста 40 летъ». [2, с. 13].

В этом фрагменте обращает на себя внимание следующее. Автор указывает, что в процессе этого нападения были не только разрушены перечисленные болгарские города, в том числе и Казань, но и был уничтожен казанский хан-чингизид, его семья и всё его ближайшее окружение. Судя по всему, была уничтожена значительная часть казанского городского населения. Однако само государственное образование (Казанский улус), названное ранее Новой ордой, как таковое, уничтожено не было. Сохранилось его население, его границы и само его существование. Оно лишилось лишь правящей верхушки чингизидов. И дальнейшие сорок лет эта орда или улус существовал без верховного правителя-чингизида. В течении всего этого времени не восстанавливался и главный город этого государственного образования – Саинов юрт или Казань. (Чингизидов там не было, а местному населению этот город был не нужен). При этом в источнике отмечается, что всё это было «на недолгое время». Другими словами это был временный упадок не только самой Казани, но и всего Казанского улуса. Конечно, какая-то форма управления в течении этого периода там существовала, были там и какие-то правители (беки). Но они не были ордынскими ханами, что не позволяло им в той международной обстановке восстановить прежний политический статус этого государственного образования и его главного города.

В начале XV века продолжился процесс деградации Золотой Орды. Внутри правящей элиты постоянно возникали конфликты. Так, в 1436 году был низложен очередной золотоордынский хан Мухаммет, которого в русскоязычных источниках называли искажённым тюркскоязычным словом ‘Улу’ (от тюркского *Олуз* ‘Великий’). После своего свержения Улу-Мухаммет (*Олуз Мөхәммәт*) был вынужден удалиться в Крым. Однако там он поссорился с местным эмиром и с 3-х тысячным войском отбыл в юго-западные пределы Московии. Но такое соседство не обещало ничего хорошего московскому великому князю Василию и он в 1438 году направил против Улу-Мухаммета 40-ти тысячное войско. Однако 3-х тысячное войско этого бывшего золотоордынского хана, благодаря его полководческому таланту, разбило всю многочисленную московскую армию. Вот как это описывается в «Казанском летописце»:

«И егда ступився обоя воя - увы мнѣ, что реку - одолѣша великого князя, и поби всѣхъ Рускихъ вои, в лѣто 6946 (в других списках 6943 – Ю.Д.), Декабря въ 5 день. И ошастася токмо на томъ побоище от 40.000 воя, брата великаго князя, 5 воеводъ съ ними, съ немногими воины, бѣгающе по дебремъ и по стремнинамъ, и по лесу. И мало живыхъ не яша и самехъ воеводъ; избави Господь от сега» [2, с. 18]. Следует заметить, что, вероятно, численность московского войска здесь была сильно преувеличена. Элементарная логика войны подсказывает, что против 3-х тысячного отряда нет необходимости направлять 40 тысячную армию.

Однако несмотря на эту победу Улу-Мухаммет понимал, что рано или поздно ему придётся покинуть эту чужую для него территорию. И тогда он принимает разумное решение – перебраться со всеми своими людьми в заброшенный Казанский улус, в котором на тот момент вот уже в течении сорока лет отсутствовала верховная власть в лице золотоордынских ханов. А там он, как чингизид, вполне легитимно мог занять пустующий престол хана Казанского улуса. Развитие дальнейших событий автор «Казанского летописца» описывает так:

«Поганыи же тои царь, побѣдив Московскія войска и обоимав, и обогатиси вельми, и повоева, и поплени Рускія предѣлы, и наполнився всякого добра Русского до избытка своего, и вознесся сердцемъ, и возгордѣся умомъ; и токмо далече ни в кою же Орду не восхотѣ от предѣлъ Рускихъ отоити, но приде от мѣста того, съ побоища, подале, на другую страну Рускихъ предел и украины, бояся великого князя, аще таино воя пошлетъ на него боле первымъ, и граду же леденуому от солнца растаявшу и крѣпости ему никаія имущу

- и на сонныхъ ношю, нападуть и от него погинет самъ царь и воя его с ним. И шед полемь перелѣзше Волгу, и засяде пустую Казань, Саиновъ юрть. И мало в граде живущих, и нача збиратися собирающися Срачинїи и Черемиса, развіе по улусомъ Казанскимъ, и радї ему быша а изоставшися от плѣна худыя Болгары молиша его, Казанцы, бытии ему заступнику бѣдам их, и помощника отъ насилїя, воевания Рускаго, и быти царству строителя, да не до конца запусъют, и повинушася ему. Царь же вселися въ жилище ихъ и постави себѣ древяны градъ крѣпокъ, на новом мѣсте, крѣпчаеше старого, недалече от старыя Казани, разоренныя от Руской рати. И начаша збиратися ко царю мнози варвари отъ различныхъ странъ, от Златыя Орды, и от Асторохани, от Азуева, и от Крыма». [2, с. 19].

Как следует из этого сообщения, перед уходом за Волгу, Улу-Мухаммет ограбил приграничные города Московии и «с избытком наполнил свою казну всяким богатством». По тем временам это были вполне понятные действия – для обустройства на новом месте хану нужны были средства, которые он и добыл таким путём. Весной 1439 года, когда растаял его ледяной городок, он со всеми своими людьми дошёл до Волги, переправился через неё и захватил Казань, которую в то время всё ещё называли Саинов юрт. Несмотря на то, что автор называет город «пустым», там, по его же словам, всё-таки обитало какое-то население, то есть город функционировал. После прихода Улу-Мухаммета в Саинов юрт к нему стало стекаться из «казанских улусов» местное население – «сарацины и черемиса». Под «сарацинами» здесь подразумевалось местное тюркскоязычное население, которое автор ещё называет казанцами. Под «черемисой» - местные чуваша и, вероятно, ростовская меря, которых русские летописи потом называли «чуваша арская», а под «казанскими улусами» понимались все районы Новой орды или Казанского улуса. Характерно, что автор летописца не отмечает этническую принадлежность «сарацин». Объясняется это, возможно, их разноэтничностью. Свою покорность пришедшему хану выразили избежавшие плена и жившие там простые болгары («худыя болгаре»). Все местные жители «казанских улусов» признали Улу-Мухаммета своим ханом («и быть правителем их царства»). При этом вполне понятно, что речь идёт только о Казанском улусе - Булгария здесь не упоминается. Но разорённый Саинов юрт Улу-Мухаммет восстанавливать вновь не стал. Он построил в районе устья реки Казанки, «недалече от старыя Казани», новый деревянный город, который стал называться также Казанью. Вот этот город и стал основой современной Казани.

Здесь следует особо подчеркнуть, что вновь построен был именно деревянный город («древяны градъ») с деревянной, а не с каменной крепостной стеной. О том, что этот город и его крепость были окружены деревянной засыпной стеной, свидетельствуют данные ряда исторических источников. Прежде всего, в самом «Казанском летописце», кроме приведенного выше фрагмента об основании новой Казани, есть и такое сообщение: «Град же Казань зело крепок, вельми, стоит на месте висоце, промеж двою рек Казани и Булака, и согражден в седьмь стен, в велицех и толстых древесех дубовых: в стенах же сыпан внутри хрящ и песок и мелкое каменье, толстина же градная от рек, от Казани и от Булака, трех сажен, и те бо места ратным неприступные.» [2, с. 119]. Здесь сообщается, что город был обнесен засыпной стеной из длинных и толстых дубовых брёвен.

Английский путешественник Антон Дженкинсон, посетивший Казань, писал в 1558 году: «Казань красивый город, на русский или татарский образец, с сильною крепостью, расположенною на высоком холме; крепость эта была обнесена деревянною и земляною стеной; теперь Русский Царь приказал уничтожить старые стены и построить новые из плитняка».[19, с. 37]. Здесь чётко видно, что до взятия Казани Иваном Грозным крепость этого города (кремль) «была обнесена деревянною и земляною стеной». Каменные сооружения здесь стали появляться только после 1552 года.

Посол императора Рудольфа II Стефан Какаш, проезжая через город, отмечал: «Казань, довольно большой город, который, по Величине, можно сравнить с Бреславлем, и который, лет 30 тому назад, был взят тираном, Великим Князем Иваном Васильевичем и присоединен к Московскому государству. Он весь построен из дерева и окружен деревянными

укреплениями». [20, с. 23-24]. Здесь также отмечается, что город был «окружен деревянными укреплениями».

Английский учёный и политический деятель Джон Мильтон в 1650 году о Казани писал так: «Татарский город, прежде очень богатый, теперь принадлежащей Русским, сперва он был обнесен деревянной стеной и земляной насыпью, но, со времени Царя Васильевича (т.е., Царя Ивана Васильевича (Грозного)), одет плитою». [21, с.5]. Здесь опять подтверждается, что до взятия этого города он имел не каменные, а деревянные стены.

В «Царственной Книге» подтверждается, что Казань была обнесена стеной в виде городен, наполненных землёй и камнями: «...стена городная обгоре, и земля из города сыпая: бе бо весь град насыпан землею и хрящем». [22. с. 296].

Таким образом, по данным ряда исторических источников до завоевания Казани Иваном Грозным крепостные стены этого города были деревянными. Впервые каменные крепостные сооружения в этом городе стали возводиться по приказу этого правителя только в середине XVI века. До этого ничего подобного там не было.

Возвращаясь к тексту летописца можно понять, что новый город был построен вскоре после прибытия Улу-Мухаммета в Саинов юрт. Вероятнее всего это могло произойти в конце 1439 или в начале 1440 году. Вот эта дата и может быть принята как дата основания современного города Казани (*Яңа Казан*). После обоснования на новом месте, Улу-Мухаммету крайне необходимо было боеспособное войско, которое из поредевшего местного земледельческого населения в достаточном количестве он набрать не мог. Ему, конечно же, требовались профессиональные воины. Поэтому, вероятнее всего по его призыву к нему стали стекаться для воинской службы соответствующие люди из разных регионов бывшей Золотой Орды: из Астрахани, из Азова, из Крыма. И уже с 1439 года он начинает совершать грабительские походы на Московскую территорию. В «Казанском летописце» об этом говорится так:

«И тот царь Улахметъ велію возвиже брань и мятежи в Руской земле, паче всехъ первыхъ цареи Казанскихъ, от Саина царя бывшихъ, понеже бо многоказнень человекъ и огнень дерзостію, и великъ телесемъ и силенъ вельми...». [2, с. 20]. Здесь следует обратить внимание на то, что автор летописца ставит хана Улу-Мухаммета в один хронологический ряд с прежними казанскими ханами, начиная от хана Саина (Берке). Это значит, что Улу-Мухаммет стал очередным казанским правителем, как и все прежние казанские ханы.

После распада Золотой Орды или Джучиева улуса отдельные его регионы становятся самоуправляемыми образованиями, которые, по данным средневековых западноевропейских авторов, назывались ордами с семантикой 'область', 'владение' или 'страна'. При этом во главе этих орд по-прежнему оставались чингизиды. Таким же образованием была и Новая орда. Но поскольку население этой орды не имело своего общего самоназвания, то во внешнем мире эту орду, вопреки исторической традиции, стали называть по названию главного города – Казанской. В этой связи Павел Иовий отмечал: «Казань. Татарский город, от которого получила название свое Казанская орда». [23, с. 35]. Но при этом следует особо подчеркнуть, что это название не могло быть самоназванием. Во-первых, в древности и в раннем средневековье европейские тюркскоязычные народы никогда не называли свои этнотерритории по названию городов. Такие факты письменными источниками не фиксируются. Исторически названия этнотерриторий первичны, а названия расположенных на ней любых поселений - вторичны. (Кстати, и на основе слова 'стан' названия этнотерриторий или государств у этих народов также никогда не образовывались. В письменных источниках не встречается ни одного названия этнотерритории или страны древнеевропейских тюркскоязычных народов с основой 'стан'. Такой традиции в Европе никогда не было). Во-вторых, ни в одном средневековом историческом источнике не встречается название «Казанское ханство». И вообще, слово «ханство» у древнеевропейских тюркскоязычных народов не употреблялось. Поэтому новые образования, появившиеся после распада Джучиева улуса, традиционно назывались ордами, а не ханствами.

Теперь следует обратить внимание вот на какой вопрос – каков же был действительный период средневековой государственности казанско-татарского народа? Как уже отмечалось ранее, государственное образование этого народа, как и сам народ, стало складываться с 1260 года ещё в составе Джучиева улуса после основания Казани. Располагалось оно на довольно значительной территории. Южные границы этого государственного образования проходили по правобережью Нижней Камы. Западная граница шла вдоль левого бережья Волги от места слияния этой реки с Камой. Северные пределы ограничивались уровнем Вятки, а восточные, вероятно, бассейном Средней Камы. (При этом болгарская территория всегда была автономной этнотерриторией, подчинявшаяся казанским ханам и территориально в состав Казанского улуса никогда не входила). С момента создания этого государственного образования, верховными правителями там всегда были ханы-чингизиды. Но в 1392 или в 1395 году московское войско разгромило ряд городов Булгарии и в том числе и Казань (Старую Казань – *Ичке Казан*). Однако государственное образование, как таковое, уничтожено не было. Оно продолжало существовать в тех же границах, с тем же населением, возможно с какими-то местными правителями, но без верховного правителя-чингизиды. Через сорок лет туда вернулся очередной хан-чингизид – Улу-Мухаммет, которого местное население тут же признало своим верховным правителем. Поэтому какого-то нового государственного образования Улу-Мухаммету создавать не требовалось. Благодаря своему государственному опыту и полководческому таланту он просто вывел из состояния запустения уже давно существовавшее государственное образование, которое вскоре стало одним из сильнейших в Поволжье. И просуществовало оно до 1552 года. Таким образом, на основании представленных данных можно утверждать, что средневековая государственность казанско-татарского народа существовала с 1260 по 1552 год, то есть 292 года. Почти 300 лет. Именно в составе этого государственного образования и сформировался казанско-татарский народ.

Литература

1. Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве или Казанский летописец: Опыт историко-литературного исследования. – СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1905. – 688 с.
2. ПСРЛ. – СПб.: Издание Археографической комиссии, 1903. Т. XIX. – 546 с.
3. Лаврентьевская летопись. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 734 с.
4. Дроздов Ю. Н. Тюркскоязычный период европейской истории. – М.: Литера, 2011. – 600 с.
5. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. Т. II. – 308 с.
6. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. Т. 2. – 995с.
7. История монголов инока Магакии, XIII века. – СПб.: Санкт-Петербург. тип. Имп. Акад. наук, 1871. – 120 с.
8. Похлёбкин В.В. Татары и Русь. Справочник. – М.: Международные отношения, 2000. – 190 с.
9. Гаркави А.Я. Сказание мусульманских писателей о славянах и русских. – СПб.: Санкт-Петербург. тип. Имп. Акад. наук, 1870. – 308 с.
10. Черепнин Л. В. Русская хронология. – М.: 1944. – 93 с.
11. Лызлов А. И. Скифская история. – М.: Наука, 1990. – 518 с.
12. Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. – Казань.: Государственное издательство, 1923. – 310 с.

13. *Флетчер Джильс*. О Государстве Русском. – М.: Захаров, 2002. – 168 с.
14. *Халиков А. Х.* Татарский народ и его предки. – Казань.: Татарское книжное издательство, 1989. – 222 с.
15. Трофимова Т. А. Этногенез татар Среднего Поволжья в свете данных антропологии. // Происхождение казанских татар. Казань, Таткнигоиздат. 1948.
16. Джагфар Тарихы. – Оренбург.: Редакция Вестника «Болгар иле», 1993. Т. 1.
17. *Герберштейн Сигизмунд*. Записки о Московии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 430 с.
18. *Закиев М. З.* Из истории татар и татарского языка//Русско-татарский разговорник. – Казань.: Татарское книжное издательство, 1986. – 304 с.
19. Известия англичан о России XVI в. // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. – 1884. – № 4.
20. Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию: 1602-1603 гг. – М.: Унив. тип., 1896. – 62 с.
21. Московия Джона Мильтона. – М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1875. – 83 с.
22. Летописецъ царствованія царя Іоана Васильевича от 7042 году до 7061. – СПб.: Типогр. Импер. Академии наук, 1769. – 358 с.
23. Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, венецианского дворянина//Библиотека иностранных писателей о России. – 1836. – Отд. 1. Т. 1.

Источник: *Вестник КазНУ. Серия историческая. № 2 (69). 2013. С.134-150.*